

Михаил Север

Текущее

16+

Михаил Север

Текущее

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43650280

SelfPub; 2019

Аннотация

Прошедшее перед глазами давно и недавно вдруг рассыпалось в этой стихотворной подборке и застыло (в определённой степени), но застыло не как камень на грубой земле, а как на корабле на волнах...

Расслабь,
раскрой ладонь,
и изойдёт тень,
и изойдёт день
у одиноких ног,
и у бездомных век
будет одна печаль.
Только печаль – и всё,
только она одна.

Уснувший однажды вечер
уснёт ещё раз
вот на асфальте, где мы, проходя, заметим
и, жёстко пиная в бочину, поднимем в воздух,
и станем похожи как всё здесь на щебни-пыли.

Теперь мы разбиты тоже –
выдумывать нечего.

Мозгуем

Локоть уходит в землю наполовину,
ветер обдует скоро и будет сухо.
Мы отразимся в лужах на фоне неба
на фоне моря

чего-то либо
уходят тучи.

Уходят тучи, а мы собрались, а мы мозгуем
о том, что вечер случится скоро
и нету плана,
а так хотелось прожить получше,
прожить бесспорно.
И может вправду, в натуре будет тупейший вечер
похмельно вздутый и раздражённый.

Но мы собрались, но мы мозгуем
и ждём созвона.

Будет не потушен никогда
рыжий город твоего окна.

Я стою на улице – не верь
и не дёргай света фонарей,

не ходи, не движся – умерла;
снег устало выпал догола.

Нелюдь тот остался – не ушёл,
собирает гальку и песок,

собирает медленно в рукав,
тихо память памятью поправ,
не устала снежная пора,
проступила нежная гроза,
столько лет, что выросла гора,
наступает ветреный апрель –

я гуляю в свете фонарей.

Темнеет тихонько в глазах –
это только в глазах,
это белый наш свет
через нас потемнел.

Далеко-далеко –
это в наших глазах:
не смотри на меня –
уже ближе,
рукой протянуть
и ослепши сказать
неннаружью:

неуклюжий мой бог
улыбнись мне сейчас –
я приближен,

и болящая ты
упади на плечо,
я так жду.

Завернусь в бушлат,
уже утро и стелется холод,
мы сидим у костра.
Кто ушёл – тот уж дома,
кто остался – тот скоро уйдёт.
Нам бухать уже стало мерзотно:
выльем пиво, а водку припрячем,
хоть блевотная сухость во рту,
но когда-то припрёт.
Может завтра.

Может завтра, точнее сегодня,
а сейчас возвращаться пустыми,
выгоняют коров, мы домой,
под ногами земля-простыня,
а на небе уже докурили,
покидали бычки, притушили
об наши виски.

От отца два леща, час на сон, –

а потом сновадохнуть за партой.

Будет всегда,
где опустить твои кости ласково.
Или не ласково – грубо
и просто брошено,
хватит земли
до конца
и на веки вечные.

Не опускай свои веки
в открытой форточке
выдохни дымно
и спрячься вовремя.
Здесь тебя ждали,
на этой станции,
а ты проезжий,
тебе махали,
рукой кричали –
не думай даже.

Драже из дрожи,
колёса-рёбра,
и вдруг случайно
ты вышел к речке:

как в детстве было,
как было очень –
костёр трескучий,
но кожа смята
и лоб остывший.

А вечер – вот он –
ни в чём невинный
и даже добрый
уходит в небо
роняя звёзды.

Если дождь не оставляет на глазах разводов,
но слышатся тяжёлые капли, бьющие реку,
значит вы сидите на лугу
под единственным деревом,
значит небо сейчас грубо-чёрное
и, наверное, искать там нечего.

Если не пугают громы, не стучат зубы от холода
и только ветер даёт своё поминание
да два звонких словечка, что вот-вот будут заронены,
как в детстве брошенный в страшный колодец камень,
значит рядом сидит кто-то важный и вечный
и сегодня вами что-то будет понято.

Если молния брызнет светом, и вы поднимете головы,
и лица будут окроплены синим мгновением,
а двое станут друг другом забыты и друг другом найдены,
и после поения сбудутся долгие лета,
значит случился дождь
знойным летом
с одной единственной молнией.

В рупор кричат вороны,
вдруг вырастают сосны,
падаю под ногами
в странной угрюмой драке,
волны накроют скоро,
реки не могут больше
тихо скрипеть ногами.

В рупор кричат вороны,
кто нас полюбит, кроме,
кто полюбит, если,
быть не могло иначе,
быть не могло под солнцем
вырасти океану,
в этой угрюмой драке
кто нас полюбит, кроме,

кто нас полюбит, если
вдруг вырастают сосны
в странной угрюмой драке
волны накроют скоро,
быть не могло иначе:
я ничего не значу
без твоего удара,
мне размозживши череп,
волны накроют скоро.

В рупор кричат вороны
вспомнить о том, что было,
как я люблю несмело,
мне размозживши череп,
реки не могут больше,
без твоего удара,
я улыбаюсь глухо
и начинаю верить:
ветренность под ногами.

болью намокло странно,
как я люблю вас, правда,
быть не могло иначе
вырасти океану.

Я сорву тебе сирень навсегда,
подарю тебе её никогда,

ты приснись мне сейчас низачем –
потому что до конца дорога.

Потому что или нет – ни при чём:
это всё насовсем не про нас,
про кого-нибудь ещё, например.

И забудем всё,
и забудемся.

Не узнай меня –
я приду ещё
и напомнюсь я

непридуманный,
непоруганный,
безымянный я.

И забудем всё,
что завидим здесь.

Я желал прийти

и пришёл теперь.